В.И. Дикуль
БОГАТЫРИ – НЕ МЫ?

Человек может всё? Где предел его физической силе? Об этом – беседа с известным силовым жонглёром, заслуженным артистом РСФСР В.И. Дикулем.

Валентин Иванович, не так давно наша газета рассказала о московском школьнике Кирилле Максимове обладающем уникальными физическими возможностями. В свои восемь лет Кирилл, без каких-либо заметных усилий, может отжаться от пола в течение часа почти две тысячи раз, присесть со штангой, вес которой в три, а то и в четыре раза превышает его собственный... (*Большинство читателей откликнувшихся на эту заметку, написали; «Не верим!»*)

– А что вы можете сказать по этому поводу? И как, на ваш взгляд, следует вообще относиться к подобным детским рекордам?

– Ну, во-первых, с Кириллом я уже познакомился. И с ним, и с его отцом. Так что могу судить обо всем не понаслышке.

Скажу сразу, какой-то особенной, уникальной силы в Кирилле нет. Он – обыкновенный мальчишка. Как и большинство его сверстников. Единственное, в чем он превосходит их, и превосходит убедительно, – это в выносливости. Тут ему – да! – равных нет. Все свои рекорды, в том числе и отжимания от пола, он «терпит». Как дисциплинированный марафонец. Есть, правда, еще техника, отточенная в ежедневных многочасовых тренировках. В принципе то, что делает Кирилл, или, во всяком случае, многое из того, доступно и несложно. Если, конечно, знать, что и как делать.

Один мой ученик из Ленинграда (фамилии называть не буду, а то зазнается) замучил меня просьбами научить его скручивать гвозди. Ну, хотелось ему, видимо, щегольнуть в компании. Я помог. Он помучился. И что вы думаете: через три недели выгнул из гвоздя скрипичный ключ!

Главное – тренировки. Каждый день. Без выходных, праздников, без каникул…

Кстати, с этими изнуряющими занятиями связан и мой ответ на вторую часть вашего вопроса. Как я отношусь к подобным детским рекордам?

Плохо отношусь! Я против них! Категорически! Это же самое настоящее насилие над ребенком.

Сколько сейчас у нас родителей, желающих сделать из своего сына или дочери «звезду экрана, театра, спорта. У девчонки – слезы на глазах, кукла под табуреткой спрятана, а родители – по рукам. «Тебе сказано, играй гаммы!»

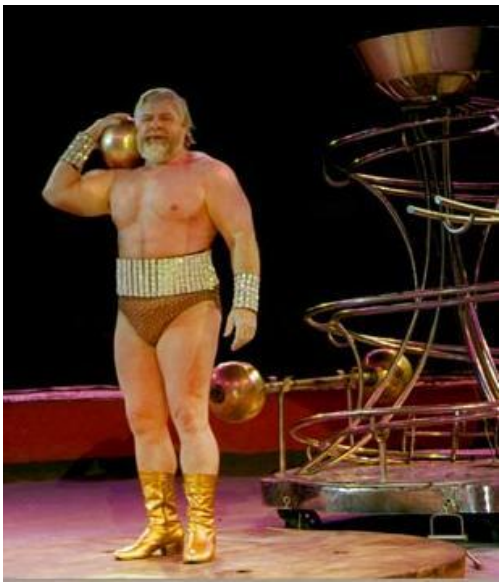
Или у нас в цирке. Отец – замечательный жонглер, мать – прекрасная эквилибристка, а сын... Ну не идет у него. Не дано. Так опять – подзатыльники. Или ремень. «Делай, что говорят». Он и делает. Как автомат. Ни души, ни радости.

– Валентин Иванович, вы сказали, что в принципе любой эффектный номер можно сделать, не будучи, скажем, Власовым. Не случится ли, что кто-нибудь после этих слов засомневается и в ваших силовых трюках?

– Нет. Не случится...

Будь вы тысячу раз техничны и еще больше выносливы, жонглировать шарами, каждый из которых весит по восемьдесят килограммов, вы не сможете. А я – жонглирую.

Это не значит, конечно, что я вот такой сверхъестественный – никто не может, а я могу. Все могут. Без исключения. И мы к этому разговору ещё вернёмся.



Просто во мне, если отбросить ложную скромность, уживаются каким-то образом три составляющие: техника, выносливость и сила. Не будет из них какой-нибудь одной, не будет и силового жонглера Дикуля.

То, чего я достиг, и то, что научился делать, – это всё адский труд. И упрямство.

– Но, Валентин Иванович, в таком случае каждый не слишком физически развитый от природы может, тренируясь, стать богатырем...

– В том-то и дело, что может! И именно – каждый, Это – моё твердое убеждение.

Другое дело, что не каждый способен выдержать такие нагрузки, поставить такую цель перед собой и с таким доходящим до фанатизма упорством идти к ней.

Но может, повторяю, абстрактно может – каждый. Главное – поверить в себя, в свои возможности. В то, что они у нас – не просто уникальные, а неисчерпаемые.

Вы слышали что-нибудь о так называемых «рекордах-легендах»? Когда один силач разламывал за 23 секунды подкову, другой перебрасывал, через железнодорожный вагон двухпудовую гирю, еще один поднимал спиной с платформы, при помощи лямок, груз весом в 2105 килограммов?

– Но, Валентин Иванович, насколько я понимаю, это – рекорды уникумов. А мы с вами все-таки говорим об обычных людях...

– Причём здесь уникумы? Забудьте о них! Их нет. Если кто-то приподнимает передок колесного трактора – это ещё не уникальность. Это ломовая сила. И не больше. Уникальность начинается тогда, когда есть техника, когда всё легко и изящно, и вам самому хочется пожонглировать гирьками килограммов под шестьдесят…

Вы ведь свой организм совершенно не знаете. И не только вы – никто не знает. Мы разучились, интересоваться собой, своими возможностями.

Вот вы, например, сколько поднять на себе сможете? Нет, серьезно… Самый большой, предельный вес?

– Ну не знаю – килограммов шестьдесят – семьдесят…

– А сто десять поднимете?

– Да вы что, Валентин Иванович!

– Тогда я вам кое-что покажу. Идемте...

Спустившись на первый этаж, мы подошли почти к самому манежу. От арены нас отделяли только шторы парадного выхода. Здесь, в артистическом предбаннике, где обычно во время представления собирается реквизит, Дикуль подвёл меня к небольшой шведской стенке, навечно, казалось, врытой в цементный пол.

– Теперь крепко ухватитесь за нее руками и не оборачивайтесь, – скомандовал он.

Я послушно схватился. Недоумевая, зачем всё это ему понадобилось.

– Стойте крепко и не шевелитесь!

С этими словами стодвенадцатикилограммовый Дикуль, уцепившись за верхние перекладины лестницы, легко и, я бы даже сказал, изящно вскочил мне на плечи...

Первое впечатление: это моё последнее интервью.

Второе... Впрочем, его прервал откуда-то сверху донесшийся окрик: «Не стойте, приседайте...»

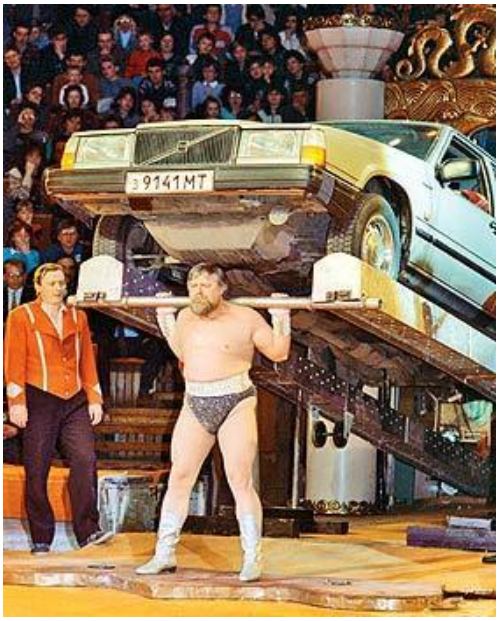
Я начал приседать... Раз, другой, третий. На пятом Дикуль сжалился: «Хватит». И спрыгнул, торжествующе улыбаясь: «Ну что, не можете?»

– ...Мы боимся себя, боимся испытывать свой организм, – продолжил Дикуль уже в гримерной. – Сейчас гораздо реже встретишь нормально развитого человека, чем, скажем, пятьдесят–семьдесят лет назад. Кухня у нас рядом, лифт – тоже, выйдешь на улицу – пожалуйста, метро, трамвай, автобус. Мы со своей силой и со своими возможностями «подсели».

Впрочем, нет, не все. Это я, пожалуй, хватил. Спортсмены – те, наоборот, растут, мужают. Раньше, например, толчок 200 кг – уже рекорд, сейчас это по плечу многим разрядникам. Раньше в цирке лошадь поднимали, сейчас машину удерживают (это я на себя намекаю...).

И, кстати, разрыв между общей массой и спортсменами всё увеличивается. Одни слабеют, другие – набираются силы. Мало того. Я знаю, учёные недавно начали разрабатывать методику вытягивания из организма всех наших резервов. Поэтому в недалеком будущем, когда методика будет создана, разрыв этот начнет расползаться с ещё большей скоростью!

– Если уж мы заговорили о методике... Значит ли это, что с её помощью спортсмены начнут вскоре творить чудеса. Будут, к примеру, прыгать на расстояние, которое покорилось бы только в экстремальной ситуации, поднимать тяжести, которые подняли бы только при грозящей смертельной опасности...



– Вы путаете две вещи. Резервные возможности человека и экстремальные. Первые, я уверен, будут когда-нибудь раскрыты полностью. Вторые – останутся скрытыми навсегда. Это, если можно так выразиться, наш страховой НЗ.

– А если взять ваши резервные возможности...

– Думаете, вес «Волги», 1570 кг, который я удерживаю в своем, номере, – это предел? На репетициях я удерживаю вес гораздо больший – две с лишним тонны. Опять предел? Но, согласитесь, так можно продолжать до бесконечности.

И я бы, кстати, и продолжал. Если бы не одно маленькое «но». По прозвищу возраст.

– А к вам приходили сюда, в цирк, силачи-любители? Показать себя или, может быть, даже посоревноваться с вами?

– Приходили. И не раз. Но если честно – слишком уж они завышают свои возможности. Говорят, что могут всё, чуть ли не цирк приподнять, а попросишь показать – отказываются. Рука, мол, болит... Такое ощущение, что в стране больше не осталось ни одного силача. Пусть даже, как я их называю, «ломового». Может быть, через вашу газету откликнутся? Вы напишите. Вдруг повезет...

– И последний вопрос. Недавно в газетах промелькнуло сообщение об одном рекордсмене, способном поднимать три тонны...

– Слышал, слышал... Ложь всё это. И даже говорить об этом не хочу. Почему он не позволяет подходить к себе во время исполнения номера? Почему не дает посмотреть реквизит? И почему бы ему в таком случае не выступить где-нибудь на соревнованиях и не толкнуть штангу в 300 кг. Хотя бы в триста...

Это, конечно, не значит, что три тонны никто никогда не поднимет. Поднимут. Уверен в этом! Но сейчас – невозможно. Слишком уж мы плохо знаем себя. Может быть, лишь на «двойку».

Обидно звучит? Но что ж поделаешь. Будем учиться...

В.И. Дикуль «Богатыри не мы», газета «Комсомольская правда» от 12.06.88.